

УДК 271.22+322(470+571)(091)

DOI: <https://doi.org/10.22182/pr.6712021.10>

Прегледни рад

Бендин Александр Юрьевич

*Институт теологии, Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь,*

РУССКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ И РЕЛИГИОЗНАЯ НЕТЕРПИМОСТЬ

Аннотация

Статья посвящена зарождению и последующей эволюции церковного раскола в России и правовому статусу представителей старообрядцев в России. Церковные реформы патриарха Никона и Поместный собор Русской церкви в 1666-1667 гг. запретили все элементы старой русской церковной традиции и поставили старообрядцев вне закона. Российское законодательство рассматривало старообрядцев не только как церковных, но и как государственных преступников. Несмотря на жесткую дискриминацию со стороны властей и официальной церкви, старообрядцы оставались лояльными к Российскому государству. Постепенное улучшение правового статуса старообрядцев началось в XVIII в., однако юридически признанной церковной организацией старообрядцы стали только по Указу о веротерпимости, изданному императором Николаем II 17 апреля 1905 г.

Ключевые слова: Православная церковь, церковный раскол, старообрядцы, религиозная дискриминация

Поместный собор Русской церкви 1666-1667 гг., на котором главную роль играли царь Алексей Михайлович и греческие патриархи – Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский, проявил жесткую непримиримость к старому русскому церковному обряду и его приверженцам. Собор признал законность унификационной реформы патриарха Никона (1652-1658), направленной на приведение русских православных обрядов и богослужебных книг в соответствие с греческими. В то же время, собор запретил пользоваться старым русским обрядом под

угрозой анафемы и проклятия. По мнению греческих патриархов, руководивших собором, приверженцы старого русского обряда, противившиеся принятию нового обряда, вносили в Русскую Церковь «раскол и ересь».

В отношении старого русского обряда греческие организаторы и участники собора не только настояли на наложении клятв и анафемы на всех тех, кто пользовался двуперстием и старым уставом, но решили поставить под запрещение все элементы старой русской церковной традиции и снять с Московского царства тот ореол незыблемой верности православию, которым она гордилась после Флорентийского собора и зарождения теории о Москве – Третьем Риме.

Как отмечает историк С. А. Зеньковский, «патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский проявили еще больше узости и пристрастности к обрядовым различиям, чем русские защитники старого устава. Они не только выступили на защиту никоновских «реформ», но на заседании 13 мая 1667 года осудили сторонников старого обряда настолько строго, что этим сами возвели обрядовые детали на догматическую высоту. Они называли русских старообрядцев, отказавшихся от этих новшеств, мятежниками и даже еретиками и отлучали их от церкви жестокими и мрачными постановлениями». В конечном итоге, решение собора от 13 мая 1667 г. положило начало расколу Русской Церкви.

До Поместного собора 1666-1667 гг. борьба за обряд происходила внутри Русской церкви, и защитники старого благочестия оставались в лоне Церкви. Теперь же анафемы собора поставили их вне Церкви, отняли у них право пользоваться таинствами и утешением Церкви, но при этом лишили и саму Церковь всякой канонической и моральной власти над ними. Отлучение противников нового обряда от Церкви еще более утвердило их в том, что проблема обряда чрезвычайно важна и имеет большое богословское и даже догматическое значение.

Поэтому приверженцы старого обряда – старообрядцы, все более утверждались во мнении, что осуждение старого и введение нового обряда — дело рук слуг антихриста, воцарившихся в Русской Церкви и Московском царстве. Однако, ни налагаемые Церковью наказания, ни заключения в тюрьмы ни ссылки на окраины государства не прекратили раскола. Напротив, раскол Русской Церкви стал углубляться, шириться и приобретать ожесточенный характер.

Старообрядцы считали членов Русской Церкви, принявших новые обряды патриарха Никона, никонианами и новоперами.

Официальное же свое название, т.е. «раскольники», старообрядцы воспринимали как тяжкое оскорбление. Они были твердо уверены, что не совершали церковного раскола, так как остались при прежней, старой вере, при древних церковных преданиях и обрядах, ни в чем не изменив ни своей родной Русской Церкви, ни древневосточной – апостольской и вселенской. Поэтому они справедливо называли себя староверами или древлеправославными христианами и Церковью Христовой.

Истово веруя в единоспасительную силу «старой веры», старообрядцы проявляли готовность к страданиям и к мученической смерти, проповедуя верность старому русскому обряду, отвергая никоновскую реформу и власть церковной иерархии.

Так как в Московском царстве Русская Церковь пользовалась исключительной правовой защитой и покровительством государства, патриарх Иоаким от лица Московского собора 1681-1682 гг. обратился к царю Федору Алексеевичу с просьбой об использовании светских судов для наказания старообрядцев. Теперь розыском старообрядцев занимались не только местные архиереи, но и государственные чиновники – воеводы, посылавшие своих подчиненных для препровождения выявленных старообрядцев в суды, которые выносили суровые приговоры.

Будучи непримиримым врагом «раскольников», патриарх Иоаким (1674-1690) добивался от царя применения для них смертной казни. По его настоянию в 1685 г. был издан закон, получивший название «12 статей царевны Софьи», в котором были утверждены меры наказания для старообрядцев (расколщиков) и их сторонников. Закон предусматривал для упорных, отказывающихся принести покаяние старообрядцев, смертную казнь через сожжение в срубе, заточение в монастырях, пытки, телесные наказания и конфискацию имущества.

Старообрядческий историк Ф. Е. Мельников так отзывался о «12 статьях царевны Софьи»: «Эти действительно драконовски-немилосердные статьи и их садистское исполнение навели ужас на всю русскую страну. ... Духовенство и гражданское правительство с дьявольской жестокостью истребляло своих же родных братьев – русских людей – за их верность заветам и преданиям святой Руси и Христовой Церкви». Применение закона вызвало массовое бегство старообрядцев из Москвы, Подмосковья и крупных городов, находившихся под строгим контролем правительства. Это привело, в конечном итоге, к опустению старообрядческой Москвы и переселению старообрядцев на окраины Русского государства и за границу – в Речь Посполитую и Османскую империю.

Таким образом, исключительное, господствующее положение Русской Церкви в Московском царстве обусловили принятие государственных мер по защите ее от «раскола». Впервые в истории России возникло такое явление, как государственная религиозная нетерпимость, которая нашла свое проявление в жестоком законодательстве и практике его правоприменения в отношении соотечественников – русских старообрядцев. С этого времени и до 1905 г. история церковного раскола становится одновременно историей религиозной нетерпимости к нему со стороны Церкви и государства.

Целью данной статьи является рассмотрение эволюции отношений Русского государства к церковному «расколу», которые выражались в различных формах нетерпимости – от открытых религиозных гонений до длительных проявлений прямой религиозной дискриминации «раскольников».

В правление императора Петра I (1682-1725) жестокое отношение Русского государства к «расколу» претерпело существенные изменения. В своей религиозной политике Петр руководствовался прагматическими соображениями «о пользе государства». Поэтому «раскольники», согласившиеся платить двойную подушную подать, регистрировались и получали право на легальное существование. С этого времени существовавшие в Московском царстве государственно-церковные отношения нетерпимости к «расколу», выступавшие в форме жестоких гонений и казней, начали постепенно трансформироваться в практику правовой дискриминации.

В качестве административно-полицейского органа, осуществлявшего меры дискриминационно-фискального характера в отношении старообрядцев (сбор двойного подушного налога, сбор за ношение бороды, преследование незарегистрированных (тайных) «раскольников» и т.д.) в 1725 г. в Москве была создана особая Раскольничья контора. С петровского времени организацией миссии среди старообрядцев начинает заниматься Святейший Синод Русской церкви, используя для этого помощь центральной и местной администрации.

Русская Православная Церковь сохранила свое господствующее положение и в созданной Петром I Российской империи. Данное обстоятельство обусловило преемственность со сложившейся еще в Московском царстве практикой государственно-церковных отношений нетерпимости к русским старообрядцам. Эти многочисленные религиозные общины, состоявшие из представителей коренного русского населения, в официальной терминологии объединялись под общим названием «раскола».

Под этим термином понималось: «как старообрядчество, отделившееся от законной иерархической власти, при полном сохранении всех существенных обрядов, а тем более догматов веры, так и разные направления, выродившиеся от него около половины XVII века и образовавшие, кроме двух главных ветвей раскола *поповщины* и *беспоповщины*, множество толков и сект обрядового раскола, а в связи с ними, под иностранным воздействием, немалое также количество еретических сект *мистического* (скопцы, хлысты и др.) и *рационалистического* характера (молокане, духоборцы, штундисты и др.)».

«Раскольники», включая и сектантов, которые согласно православному вероучению попадали под категорию «еретиков», рассматривались правительством в качестве «церковных мятежников», вышедших из повиновения архиереям Православной Церкви. Следует отметить, что правительство видело в «расколе» не только «элемент «противоцерковный, но и элемент противогосударственный, противообщественный, «тайных мятежников вообще».

Поэтому перманентной задачей нового имперского государства становилась, с одной стороны, уголовно-административная защита *внутренних* границ Православной Церкви от расколов и отпадений, а с другой – принуждение «раскольников» с помощью религиозных гонений и мер дискриминационного характера к возвращению в лоно Православной Церкви. Для достижения этой цели применялась также и церковная миссия среди отпавших от православия в «раскол». Нетерпимость, проявляемая государством и Церковью в отношении русского «раскола», рассматривалась как инструмент, необходимый для защиты религиозной и политической безопасности государства, а также восстановления церковного и этнического единства разделенного русского народа.

В основе этой нетерпимости к «своим» лежал традиционный союз Православной церкви и монархического государства. По отношению к лицам, отпавшим от православия, светское законодательство империи придерживалось норм канонического права «господствующей» Русской Церкви. По словам канониста Н. Суворова, Церковь «смотрит на всякое отделение от неё как на преступное нарушение её порядка». В свою очередь, и «государство не допускает образования раскольнических и еретических сект в смысле признанных религиозных обществ».

Как уже отмечалось выше, «раскольники», включая и сектантов, которые, согласно православному вероучению, попадали под категорию «еретиков», рассматривались правительством в качестве

«церковных мятежников», вышедших из повиновения архиереям Русской Церкви. А это влекло за собой выводы о политической неблагонадежности русского «раскола». Согласно воззрениям той эпохи, гарантией политической лояльности русского народа своему монарху является единство паствы «господствующей» Церкви. «Нынче почти уже стало аксиомой, что Церковь православная служит несокрушимым оплотом государства, что верность Церкви есть надежнейшее ручательство и верности государству, кто восстает против Церкви, тот восстает и против государства».

Твердая каноническая основа российского религиозного законодательства, не позволявшая юридически признать «раскол» и его религиозные организации в качестве терпимых, позволяла, тем не менее, правившим монархам вносить известные коррективы в положение старообрядцев, даруя им ограниченные религиозные и гражданские права. При этом российские императоры исходили из соображений политической целесообразности и руководствовались западными идеями веротерпимости, характерными для эпохи Просвещения.

Уже в период правления императора Петра III (1761-1762) и Екатерины II (1762-1796) правовое положение «раскольников» в Российской империи несколько улучшилось. Император Петр III указом 1762 г. позволил старообрядцам, бежавшим за границу (в Речь Посполитую), возвращаться в Россию и селиться в Сибири. Кроме того, он планировал выработать особое положение, расширяющее религиозные права ревнителей старой веры.

Восшедшая на престол императрица Екатерина II (1762-1796), являясь олицетворением политики «просвещенного абсолютизма», была сторонницей веротерпимости, понимая, что существующая религиозная нетерпимость к «расколу» вызывает ответное озлобление против Православной церкви и Русского государства. Поэтому в 1763 г. Екатерина упразднила Раскольничью контору, осуществлявшую специальные административно-полицейские функции в отношении старообрядцев.

С этого времени дела «раскольников» передавались в ведение «общих управлений» (губернские канцелярии и магистраты), которые должны были относиться к ним «без притеснения». Императрица разрешила старообрядцам селиться близ Тобольска в Сибири, в Астраханской, Оренбургской губерниях и в Белоруссии. Указом Екатерины от 8 ноября 1782 года двойная подушная подать для них была снижена до уровня общепринятой в империи. «Городовое положение», утвержденное императрицей в 1785 г., разрешало выбирать старообрядцев на общественные городские должности.

Император Павел I (1796-1801 гг.) и его сын император Александр I (1801-1825) продолжили религиозную политику «просвещенного абсолютизма» в отношении русского «раскола». В целом же, религиозная политика Екатерины II, императоров Павла I и Александра I привела к определенным уступкам правительства «записным», то есть зарегистрированным «раскольникам», однако они по-прежнему оставались религиозно дискриминируемым меньшинством коренного русского населения. Их религиозные общины не признавались законом и не имели статуса юридического лица. Старообрядческие священнослужители также не признавались законом в качестве духовного сословия. Браки, заключенные старообрядцами, законом также не признавались.

Умеренная правовая дискриминация русского «раскола», которой удалось достичь в результате религиозной политики «просвещенного абсолютизма», просуществовала недолго. Уже с середины 20-х годов XIX в. правительство императора Николая I (1825-1855) вступило на путь репрессивной политики в отношении старообрядчества. К началу XIX в. русские старообрядцы, несмотря на пережитые ранее жестокие гонения, не представляли собой политической угрозы для безопасности государства. В массе своей они были лояльны к российской монархии. Однако Николай I в своем отношении к «расколу» исходил из представлений о его «вредности» не только для Русской Церкви, но и для государства.

Эти идеи декларировал влиятельный и авторитетный в Русской Церкви митрополит Филарет Московский (1782-1867), убежденный в том, что «охранение Церкви есть охранение государства». Поэтому религиозная политика императора Николая была направлена на «полное уничтожение раскола». Николай I стремился к той же цели, что и Патриарх Иоаким, и царевна Софья, используя при этом правовые и административно-политические механизмы вестернизированной абсолютной монархии.

Последовали жесткие административно-правовые меры, носившие характер *секретного* законодательства, которые существенным образом ограничивали гражданские и религиозные права старообрядцев, полученные ими во времена правления Екатерины II и Александра I. К дискриминационным мерам в области гражданских прав старообрядцев относились запреты: на выдачу паспортов для передвижения внутри империи, на вступление в иконописные цехи и деятельность на общественных должностях.

В области религиозной наиболее «стеснительными» для старообрядцев были дискриминационные решения правительства

относительно храмового строительства и общественного богослужения. Старообрядцам было запрещено: принимать в свои общины «беглых» священников Русской Церкви, строительство новых церквей и ремонт старых, пришедших в ветхость. Легальными считались лишь те церкви, которые были построены до 1826 г.

С действовавших церквей снимались кресты и запрещался колокольный звон. Характерными чертами этой репрессивной политики стала практика административного закрытия храмов, скитов и монастырей, конфискации церковной собственности, икон, богослужебных книг, аресты и ссылки старообрядцев и массовый принудительный перевод их в единоверие.

Как отмечал известный исследователь Н. И. Ивановский, указанные «ограничения имели характер прямых стеснений, были карой за сектантство (то есть, за «раскол» - А.Б.). При осуществлении их страдало много невинных людей, и сверх того наносился вред экономическому развитию страны».

По отношению к старообрядцам законодательство Николая I разрешало лишь *внутреннюю* «свободу веры», проявления которой были возможны либо в стенах частного дома, либо внутри легально действовавших молитвенных домов и церквей. Законы Российской империи признавали право верить только за старообрядцами «*по рождению*» (то есть, не перешедшими из православия). Однако законы не признавали право этих старообрядцев исповедовать свою веру *публичным* порядком. Общественное богослужение разрешалось в церковных зданиях, без проявления веры вне стен этих зданий. Следовательно, речь шла только о сохранившейся свободе богослужений в весьма узком её понимании.

Принятие столь жестких дискриминационных мер по отношению к значительной части коренного русского населения ставило его в религиозно-правовом отношении ниже нехристианских религиозных общин мусульман, иудеев, ламаистов и язычников.

Профессор А.С. Павлов так высказывался о церковной основе дискриминационного законодательства: «Наше гражданское законодательство, – полагал он – смотрит на «раскольников» как отпадших от господствующей Церкви, которые должны с ней воссоединиться: вот почему они до сих пор не получили ещё той степени свободы, какой пользуются у нас последователи других христианских и даже нехристианских вероисповеданий».

В то время, как представители «иностранных»^{1*} конфессий и общин пользовались правом свободно исповедовать свою веру в

---

1 * В российском религиозном законодательстве 1857 г. «иностранными» исповеданиями назывались неправославные религиозные организации: Римско-католическая церковь,

частном порядке и публично, религиозные и гражданские права русских старообрядцев были сужены до дискриминационного минимума. Таким образом, религиозное законодательство, сложившееся в Российской империи к середине XIX в., поставило религиозные общины русских старообрядцев в положение юридически нетерпимых, а на практике – и административно гонимых.

«После сего, – отмечал исследователь «раскола» П. И. Мельников, – можно ли не признать истинного достоинства в многострадальном терпении русских людей, которое видно в наших раскольниках. Будь это на Западе, давно бы лились потоки крови, как лились они во времена Реформации, тридцатилетней войны, религиозных войн в Англии и пр. Сравнивая положение протестантов перед началом религиозных войн с современным положением раскольников, нельзя не согласиться, что последние стеснены несравненно более, чем были стеснены первые». Однако и религиозная нетерпимость николаевской эпохи не сделала старообрядцев политическими врагами государства. Вопреки тяжелым испытаниям они по-прежнему сохраняли лояльность российской монархии.

Правление императора Александра II (1855-1881) стало эпохой Великих реформ, означавших системную модернизацию России. Поэтому в 60-х гг. XIX в. началось постепенное упразднение действия «специальных административных постановлений о раскольниках», принятых в период правления Николая I. В 70-х гг. российское правительство пришло, наконец, к выводу о том, что русский «раскол» не представляет собой внутренней политической угрозы Российскому государству.

В результате, нормы репрессивного секретного законодательства начинают заменяться нормами положительного *права*, действие которых распространялось на «раскольников от рождения». Первые позитивные перемены в юридическом положении «раскола» внесли указы императора Александра II от 19 апреля 1874 г. и императора Александра III от 3 мая 1883 г. Этими указами официально признавались браки, заключенные «раскольниками» и, частично, их гражданские и религиозные права.

По словам Ар. Попова: «Только закон 3 мая 1883 года, дозволивший раскольникам богомоление, *implicite* признал раскол за особое, юридически существующее исповедание». Однако

протестантские церкви и религиозные общины, Армяно-грегорианская церковь, а также нехристианские исповедания – ислам, буддизм, иудаизм, язычество. Все эти религиозные организации признавались юридически терпимыми и пользовались различными государственными привилегиями.

вплоть до издания указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. действовавшее российское законодательство не признавало легальный статус религиозных общин «раскольников», выводя их за пределы веротерпимости, установленные для «иностранных исповеданий».

12 декабря 1904 г. императором Николаем II (1894-1917) был издан указ, 6 пункт которого предписывал правительству «подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, подлежащих кинославным и иноверным исповеданиям». На этом основании Комитет министров начал разработку законопроекта «Об укреплении начал веротерпимости».

Указ о веротерпимости, изданный 17 апреля 1905 г., впервые предоставил старообрядцам легальный статус терпимых религиозных организаций. Последовавший затем императорский указ от 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов» установил процедуру регистрации и юридического признания религиозных организаций старообрядцев и сектантов. В результате издания указов от 17 апреля 1905 г. и 17 октября 1906 г. общины старообрядцев и сектантов получили правовой статус «терпимых», позволивший им юридически приблизиться к положению «иностранных» христианских конфессий. Правовая дискриминация «раскола» по религиозным мотивам была законодательно упразднена.

Однако, общинам легализованных старообрядцев и сектантов так и не удалось получить равный правовой статус с «иностранными» христианскими конфессиями. Этому препятствовали сохранившиеся правовые преимущества «господствующей» Православной церкви. Тем не менее, главное было сделано. Благодаря религиозной политике императора Николая II, который не сомневался в политической лояльности старообрядцев, история русского церковного «раскола» перестала быть историей религиозной нетерпимости.

Bendin Alexander Yurievich

The Institute of Theology, Belarusian State University, Minsk, Belarus

RUSSIAN CHURCH DIVISION AND RELIGIOUS INTOLERANCE

Resume

The article focuses on the origins and further evolution of the Church Schism in Russia as well as on the legal status of the representatives of the Old Believers in Russia. Church reforms initiated by patriarch Nikon and the local Church Council in 1666-1667 banned all elements of the old Russian church tradition and outlawed Old Believers. Russian legislation viewed Old Believers as church and state criminals. However, in spite of strong discrimination from state and official church, Old Believers remained mostly loyal to Russian state. Gradual improvement of the legal status of the Old Believers started in XVIII century. Decree on religious tolerance issued by the emperor Nikolas II on 17 April, 1905, proclaimed Old Believers as legally recognized church organization.

Keywords: Orthodox Church, Church Schism, Old Believers, religious discrimination

---

* Овај рад је примљен 25. јануара 2021. године, а прихваћен за штампу на састанку Редакције 8. фебруара 2021. године.